

18+

АЛЕКСЕЙ ЯРОШ

Тишина правды

Алексей Ярош

Тишина правды

«Издательские решения»

Ярош А.

Тишина правды / А. Ярош — «Издательские решения»,

Правда существует. Но человек не способен сохранить себя рядом с ней.
«Тишина правды» — это мрачная современная проза о знании, которое не освобождает, а уничтожает.

Содержание

Пролог	6
Часть 1. Кордон	7
Часть 2. Стук	12
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Тишина правды

Алексей Ярош

© Алексей Ярош, 2026

ISBN 978-5-0070-0979-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

24 апреля 1986 года.

В городе К. был обычный четверг.

Учёный Б. трудился над рукописью с половины шестого. На столе — исписанные страницы, пепельница, стакан с остывшим чаем. Горела лампа.

Около семи он дописал последнюю страницу.

В кабинете появился небольшой белый шар. Он не падал и не двигался — просто был. Несколько секунд. Потом исчез. Рукопись исчезла вместе с ним.

Около семи жена вернулась с работы. Как только она открыла дверь квартиры — что-то сжалось внутри. Не звук, не запах, ничего различимого. Просто воздух был не тот. Она не разулась, не сняла пальто — сразу пошла в кабинет мужа.

Он сидел на стуле, упав грудью на стол. Левая рука свисала вдоль тела, правая лежала на столешнице. Рядом с ней — ручка.

Бригада скорой помощи прибыла в 19:22. Врач констатировал остановку сердца. Тридцать пять лет, практически здоров — в карточке не было ни одного серьёзного диагноза. В графе «причина смерти» написали то, что умели писать.

Милиция осмотрела квартиру. Следов взлома не было. Окна закрыты. Ничего не пропало — кроме рукописи, о которой жена упомянула вскользь, и которую никто не внёс в протокол.

К девяти квартира опустела. Жена осталась одна. Лампа на столе всё ещё горела.

Городок не знал об этом вечере ничего. Он узнает позже — и по-другому.

Часть 1. Кордон

Июль 2001 года.

Андрей висел на турнике вниз головой.

Я подошёл со стороны гаражей и остановился у столба, чтобы не маячить перед глазами. Солнце уже поднялось над девятиэтажками и грело спину даже сквозь футболку. Турник поскрипывал. Андрей подтягивался легко, без натуги — раз, другой, третий — как будто просто перебирал руками, а тело само поднималось. Чёрные волосы торчали вверх, даже когда он висел вниз головой.

Он заметил меня, когда перевернулся и спрыгнул на землю. Пыль взметнулась вокруг кроссовок.

— Привет, — сказал он, отряхивая ладони. — Долго стоишь?

— Только пришёл.

— Пить хочу — сил нет. Пошли к крану заодно.

Мы подошли к ржавому крану у стены. Андрей наклонился, пустил холодную струю, пил прямо из-под крана, потом сполоснул лицо и руки. Брызги полетели в траву. Он выпрямился, футболка намочила у ворота, джинсовку он перекинул через плечо — жарко, лето, но он всегда таскал её с собой.

— Хорошо сегодня, правда? — сказал он, щурясь на солнце.

Я кивнул.

Мы пошли вдоль гаражей. Утренний ветер был лёгкий, почти тёплый, он только шевелил пыль на асфальте и приносил запах тополей. Небо над кордоном было серое, но здесь, у домов, светило солнце, и даже тень от стены казалась не такой мрачной, как обычно.

— Слушай, — сказал Андрей негромко. — Сегодня вечером я встречаюсь с одним... так сказать, информатором. Он обещал последнюю деталь. Маршрут, обход постов. В общем, всё, чего не хватало.

Я чуть не споткнулся.

— Опять ты в это лезешь, — сказал я. — Тебе это ещё аукнется.

— Да ладно тебе, — он пихнул меня локтем. — Не будь занудой. Ты ещё увидишь, что я был прав. Вот зуб даю.

Он говорил легко, почти весело. Но левое плечо дёрнулось — резко, как от щекотки или от чужой руки. Андрей всегда так делал, когда волновался, даже если сам не замечал.

— Пойдём на речку, — сказал он вдруг. — Жарко же.

До реки мы шли пешком. Город кончился быстро, началась колея, потом тропинка, потом кусты. Андрей шагал широко, размахивая руками, иногда подбирал камешек и кидал в кусты. Джинсовка болталась на плече. Я плёлся чуть позади. Пальцы левой руки сами собой отбивали по бедру какой-то ритм — я даже не заметил, когда начал.

Вода у берега была тёмная, пахла водорослями и чем-то металлическим. Андрей стащил футболку, бросил её на траву рядом с джинсовкой и полез в реку. Я сел, поджал ноги.

— Не полезешь? — крикнул он, уже по пояс в воде.

— Холодная, — соврал я.

Он фыркнул и нырнул с головой. Вынырнул, отплёвываясь, и засмеялся. Смех у него был громкий, почти лающий. Я смотрел на его мокрую голову, на капли, которые летели с волос, и думал о том, что он правда верит, что у него всё получится. Что будет прав. И что тогда всё изменится. Может быть, даже небо над кордоном перестанет быть серым. Глупость, конечно. Но рядом с ним в эту глупость хотелось верить.

Потом он вылез, растёрся футболкой и лёг на траву рядом со мной. Молчали. Солнце пекло плечи. Где-то далеко-далеко, может быть за рекой, кричала птица.

— Знаешь, чего я боюсь больше всего? — спросил он вдруг, глядя в небо.

Я покачал головой.

— Остаться здесь. Навсегда. Как все, — он повернул голову и посмотрел на меня. — Я не могу просто работать, жрать, спать и стареть. Не могу. Мне надо знать, что там.

Он кивнул в сторону города. Туда, где над крышами торчала стена.

Я ничего не ответил. Что тут скажешь. Я и сам боялся. Только другого.

Назад мы шли через город. Сначала зашли в булочную — Андрей взял два пирожка с повидлом, деньги бросил на прилавок не считая. Потом остановились у школьного стадиона. Там несколько девушек играли в волейбол. Мяч взлетал над сеткой, замирал в солнечном свете и падал обратно. Девушки смеялись.

Андрей опёрся о сетку.

— Смотри, какие хорошие, — сказал он, сощурившись. — И у нас такие будут. Вот увидишь.

Я промолчал. Я ему почти верил.

К вечеру мы вернулись к моему подъезду. Солнце уже садилось за пятиэтажки. Андрей остановился.

— Слушай, я не знаю, во сколько завтра смогу. Давай на крыше, ближе к вечеру? Как стемнеет?

— Давай.

— Ну всё, бывай.

Он хлопнул меня по плечу и пошёл, сунув руки в карманы джинсовки. Я смотрел ему вслед, пока он не свернул за угол. Всегда смотрел до последнего. Мне казалось, если я отвернусь раньше, он исчезнет навсегда.

На следующий вечер он не пришёл.

Я сидел на крыше один. Пальцы отбивали по колену — быстрее обычного. Сначала просто ждал. Потом начал считать этажи в соседней девятиэтажке. Потом перестал считать. Небо темнело. За стеной кордона горел тусклый жёлтый свет. Ветра не было. Я сидел и смотрел на пустую железную дверь, которая вела с лестницы на крышу, и слушал, как в тишине грохочет моё сердце.

Никогда ещё я не был так одинок.

Он появился через день.

Я был дома. Мать возилась на кухне. Стук в дверь — три удара, быстрых, знакомых. Я открыл.

Андрей стоял в коридоре. Та же джинсовка. Те же кроссовки. Волосы взъерошены. Вид немного уставший, но довольный.

— Привет, — сказал он. — Извини, что пропал. Это заняло больше времени, чем я думал. Но всё по плану, не бойсь.

Я хотел спросить — где он был, почему не пришёл, — но слова застряли в горле.

— Пошли на крышу? — сказал он. — Есть разговор.

Мы поднялись. День был пасмурный, солнце то пряталось, то выглядывало, и свет на крыше был тусклый, с переливами. Андрей сел у трубы, я сел напротив. Он сунул руку во внутренний карман джинсовки и вытащил сложенный лист бумаги. Не один — несколько. Обрывки, склеенные скотчем.

— Смотри, — сказал он. — Я собрал всё по кускам. Здесь стена, здесь ограждение. Здесь КПП, где можно пройти, если знать время. А вот тут — лазейка. Она ведёт прямо внутрь.

Он разложил листы на бетоне. Я наклонился. Это была не карта, а схема — линии, крестики, надписи от руки.

— Ты запоминай, — сказал Андрей. — Я тебе всю душу выложил. Если что — держи в голове.

Я запомнил. Я всегда всё запоминал.

— Ты когда... — начал я тихо.

— Скоро, — сказал он. — Очень скоро.

И улыбнулся — той самой улыбкой, от которой я всегда верил, что всё будет хорошо. Но в этот раз внутри что-то сжалось.

Когда Андрей ушёл, я ещё долго сидел на крыше. Один. Ветер гонял по бетону сухие тополиные серёжки. Они катились, застревали в трещинах, потом снова срывались. Я смотрел на стену.

Кордон. Так его называли. Сначала одну стену, потом всё место за ней. Вообще-то по телевизору говорили «санитарная зона». Это значило, что там опасно. Что там какая-то болезнь. Не простуда, не ветрянка. Люди не умирали, но переставали быть собой. Не узнавали родных. Не отвечали на вопросы. Смотрели в стену. Врачи сказали — не заразно на расстоянии. Но стены всё равно построили.

Сначала одну. Потом вторую, повыше. Третью было видно плохо, но я знал, что она есть — восемь метров, с генераторными за ней. Четвёртая была самая высокая, десятиметровая, почти как четырёхэтажный дом. С нашей крыши я иногда разглядывал её верхний край — серую полосу с колючей проволокой, которая торчала над верхушками мёртвых деревьев. Сами деревья стояли внутри, за четвёртой стеной. Парк. Я никогда там не был, но знал: там тишина, и дома пустые, как зубы, которые забыли вырвать.

Люди не особо верили в болезнь. То есть никто не спорил, что что-то случилось. Но если не заразно — зачем четыре стены? Зачем колючая проволока и вышки? Зачем учёные, которые живут там годами и никогда не выходят? Мать говорила: «Не думай об этом, там просто работают люди». Но я думал. Все думали. Одни придумывали секретное оружие, другие — тюрьму, третьи вообще несли чушь. Странно — никто не мог удержать в голове одну и ту же историю. Сегодня человек клялся, что знает правду, а завтра рассказывал совсем другое. Я сам пробовал запоминать — и не мог. Слова утекали.

Но одна вещь засела.

Андрей давно уже копал всё, что можно найти про кордон. Газетные обрывки, копии приказов, старые письма. В одной бумаге был список первых строителей. Я увидел фамилию отца. Он строил эти стены.

Мать говорила: «Он ушёл». Я раньше думал — ушёл от нас. Теперь я знал: он ушёл туда. Может быть, он до сих пор там. Может быть, живой. Может быть, мёртвый. А может, что-то посередине — как те люди, которые перестали быть собой.

Я смотрел на стену. Она была серая, потом стала чёрной. Солнце село, но где-то там внутри горел свет. Один жёлтый огонь. Он не мигал. Просто горел. Я смотрел на него и думал: «Там мой отец. Там работают люди. Там что-то случилось, чего никто не понимает. Андрей хочет туда попасть».

Я не знал, вернётся ли он. Не знал, что он там найдёт. Я только знал карту, которую он мне показал, и знал, что не собьюсь, если когда-нибудь она мне понадобится.

Я поднялся. Ветер трепал ворот футболки. В соседнем доме зажглось окно. Я спустился с крыши и пошёл домой.

Часть 2. Стук

Андрей пришёл за полночь.

Я не спал. Сидел на кухне, смотрел в тёмное окно. Мать давно легла. В голове всё ещё крутился маршрут, который он показал мне на крыше.

Стук в дверь был тихий, но я сразу узнал его руку. Три быстрых удара. Я открыл.

Он стоял в коридоре. Джинсовка на плече, волосы взъерошены, глаза блестят. От него пахло ветром и пылью.

— Я готов, — сказал он шёпотом. — Сегодня.

Сердце ёкнуло и замерло. Не от страха за него. От того, что этот момент наконец настал.

— Проводи меня до пустыря, — сказал он. — Дальше я сам.

Я натянул кеды и вышел в коридор. Дверь закрылась за нами с мягким щелчком.

Мы шли через двор. Луна висела низко над крышами, жёлтая, мутная. Наши тени скользили по асфальту — его длинная, моя покороче. У гаражей он остановился и подтянулся на турнике. Раз, другой. Как будто набирался сил.

— Ты это... — начал я и осёкся.

— Не бойсь, — он прыгнул и хлопнул меня по плечу. — Всё будет нормально. Я же уже говорил.

Мы прошли мимо булочной и школьного стадиона. Сетка на воротах была оттянута, и ветер чуть раскачивал её. За стадионом начинался пустырь. Дальше уже нельзя.

Андрей остановился. Он смотрел на тёмную стену впереди, и я видел, как желваки ходят под кожей. Потом он повернулся ко мне и полез во внутренний карман. Достал сложенный вчетверо лист. Тот самый, с картой. Протянул мне.

— Возьми, — сказал он тихо. — На всякий случай. Вдруг забудешь.

— Это ещё зачем? — удивился я.

— Бери, говорю, — отрезал он.

Я взял. Бумага была тёплая от его тела.

Он снова посмотрел на меня и, казалось, хотел сказать что-то ещё — но не сказал. Только дёрнул плечом, резко, как от холода, и отвернулся.

— Дальше я сам. Возвращайся.

Он подмигнул, развернулся и пошёл через пустырь. Я смотрел, как его фигура удаляется, становится меньше, сливается с темнотой. Когда от него осталось лишь еле различимое пятнышко, я махнул ему рукой. Не знаю зачем.

Я стоял ещё долго после того, как он исчез. Сжимал в кармане лист с маршрутом. Потом развернулся и пошёл домой.

Дома я лёг в постель и не мог уснуть. Лежал, смотрел в потолок. За окном стрекотали сверчки. В голове крутился маршрут: первый поворот налево, потом вдоль стены, потом генераторная... Я повторял его, пока слова не потеряли смысл. Потом просто лежал и слушал тишину. Она была густая и вязкая, как вода. Небо за окном начало светать. Сверчки замолчали. Где-то далеко залаяла собака и смолкла.

Я закрыл глаза. Сон не шёл. А потом пришла та странная муть на границе яви и забытья. Мне снилось, что я иду по пустырю, иду к стене, но никак не могу пройти.

Стук в дверь разорвал тишину.

Редкий. Тяжёлый. Как будто стучали не пальцами, а всей ладонью — или кулаком. Я открыл глаза. Сердце бухало где-то в горле. Солнце уже заливало кухню, по стенам дрожали золотые пятна. Утро. Раннее, ясное, летнее.

Неужели я спал?

Из прихожей раздались шаги матери. Щёлкнул замок.

Тишина.

Потом её голос, какой-то странный, слишком осторожный:

— Гриша... Это к тебе. Андрей пришёл.

Я встал. Ноги были ватные — то ли от бессонной ночи, то ли от этого короткого душного сна, то ли от того, как прозвучал голос матери. В коридоре горел тусклый свет. Мать стояла у двери, придерживая её рукой, и смотрела на меня странно. Потом, ничего больше не сказав, ушла на кухню.

Андрей стоял на пороге.

Та же джинсовка. Те же кроссовки. Волосы торчали вверх и немного в стороны. Но что-то было не так. Я смотрел на него и не мог понять, что именно разбудило во мне тревогу. Лицо его. Поза. Слишком прямо. Слишком ровно. Он всегда стоял чуть ссутулившись, засунув руки в карманы. Сейчас руки висели вдоль тела.

— Ты чего так рано? — спросил я. Голос был хриплый со сна. — Уже всё?

Он посмотрел на меня. И пауза перед ответом была на секунду длиннее, чем нужно.

— Да, — сказал он. — Всё нормально.

Голос его. Но пустой. Как будто он говорил из соседней комнаты.

— Проходи, — сказал я, отступая вглубь коридора. — Есть хочешь? Чай?

— Нет, — он покачал головой. — Я на минутку.

— Так ты попал туда? — я не узнал свой голос. — Что ты там видел?

Он переступил с ноги на ногу. Посмотрел на меня, и я вдруг понял, что он почти не моргает.

— Да ничего там нет, — сказал он наконец. — Ерунда всё это. Я вроде как до центра дошёл. Пусто там. Деньги, наверное, отмывают. Я не знаю.

Я не верил. Потому что он смотрел сквозь меня. И левое плечо не дёрнулось ни разу.

— Ладно, — сказал я. — Вечером на крышу?

— Не знаю, — он пожал плечом. — Может быть.

Затем повернулся и пошёл вниз по лестнице. Я смотрел в дверной проём. На лестнице было тихо — он не насвистывал, как обычно. Просто тишина.

Мать выглянула из кухни.

— Ты не спал? — спросила она тихо.

— Немного, — солгал я.

— Что это с ним? — сказала мать, глядя на дверь. — Бледный. И глаза пустые.

Я ничего не ответил. Я понимал: если заговорю, голос сорвётся. Потому что мать увидела то же, что и я. И списать это на недосып уже не получалось.

Через день мы встретились во дворе. Андрей сидел на скамейке у гаражей и смотрел на турник, но не подходил к нему. Я сел рядом.

— Расскажи, — попросил я. — Не просто «ерунда». Что ты видел? Как ты прошёл?

Он поморщился, отвёл взгляд.

— Да темно было, Гринь. Ночью же пошёл. Ничего не видно. Улицы, дома. Всё как у нас, только пустое.

— А центр? Ты сказал, что дошёл до центра.

— Ну... — он запнулся, и на секунду в глазах мелькнуло что-то, что заставило меня замереть. Но тут же исчезло. — Да парк там. Мёртвый какой-то. Деревья стоят. Дома старые. Ничего больше.

— И это всё?

— Что тебе ещё нужно?! — он повысил голос и тут же осёкся. — Ничего там нет, понимаешь? Слушай, пошли на стадион. Чего мы тут сидим?

Он встал и пошёл, не дожидаясь ответа. Я пошёл за ним. На стадионе играли в футбол какие-то пацаны. Андрей сел на скамейку, откинулся на спинку и больше не говорил ни слова про кордон.

А через день, когда я снова позвал его на крышу, он пришёл — но как чужой.

Солнце висело низко над домами, красило стену в ржавый цвет. Я сидел у трубы, на нашем месте. Андрей поднялся, сел рядом. Не вразвалочку. Не с улыбкой. Сел и уставился на стену. Молчание было тяжёлым, как воздух перед грозой.

— Андрей, — сказал я, — что там было? Ты начал про парк. Про дома. Расскажи, что произошло.

Он закрыл глаза.

— Хватит, — сказал он тихо. Голос был глухой, сдавленный. Как будто говорил не он, а кто-то внутри него, кто уже устал притворяться. — Хватит, Гриша. Я не хочу больше про это. Забудь про кордон. Совсем. И сюда больше не ходи. Понял?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.